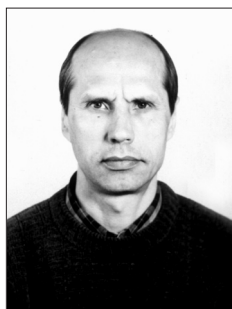

БЕСКОНЕЧНАЯ ИСТОРИЯ*

*Юрий Петрович Лыхин,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь Архитектурно-
этнографического музея «Тальцы»,
член правления Иркутской городской
общественной организации «Родословие»,
г. Иркутск*

Чем дольше продолжается работа над своей родословной, тем больше убеждаешься в том, что процесс этот бесконечен. Когда-то, обнаружив в метрических книгах запись о бракосочетании 11 июля 1855 г. своего прапрадеда, Ивана Зиновьева сына Лыхина, я был в восторге. Это был успех. Никто из родственников не знал подобного, и я с гордостью демонстрировал им найденное.

Вскоре я довел свою родословную до конца XVIII в. и был совершенно счастлив. Результат казался невероятным.

Затем мне удалось узнать имя родоначальника ленского рода Лыхиных — устюжанина Кирилки Иванова Лыхи, его отца Ивашки Григорьева Лыхи, а соответственно, и деда Григория, родившегося где-то в конце XVI в. Я ликовал... А потом загрустил. Надежды продвинуться глубже практически не осталось, а как хотелось бы!

Тем не менее на этом поиски не заканчиваются. Прямая мужская линия, хоть и главная, но не единственная. В каждом из нас течет не только мужская кровь, и родослов-

* Опубликовано в журнале «Тальцы». 2003. № 3 (19). С. 3–17. Для настоящего издания статья исправлена и дополнена.

ные изыскания могут продолжаться по женским линиям: матери, бабушки, прабабушки... Здесь появляются новые фамилии, и чем далее в глубь поколений, тем их больше. Один из генеалогических законов гласит: в каждом следующем поколении число предков удваивается. В третьем поколении мы имеем 4 предков (дедушек и бабушек), в четвертом — 8, в пятом — 16, в шестом — 32 и т. д. Если линия Лыхиных вместе со мной насчитывает 13 известных поколений, то теоретическое число моих предков составляет 4 096 человек. Для моих сыновей (XIV поколение) — 8 192 человека. Однако это лишь в теории. Реальное количество предков всегда меньше, чем теоретическое. Происходит это потому, что среди пращуров по несколько раз может появляться одно и то же лицо, которое представляет сразу нескольких теоретических предков. Это наглядно прослеживается в среде крестьян, постоянно живших в одном месте и выбиравших жен в ограниченном пространстве соседних поселений. Недаром про деревню говорят, что там все друг с другом в родстве.

На сегодня мне известны имена предков по женским линиям,

Харитина Дмитриевна Лыхина (урожденная Тараканова) с сыном Николаем (слева — неизвестная). Около 1918 г.

которые носят фамилии Агафоновы, Бараковы, Березовские, Гладких, Ильины, Кармадоновы, Колмаковы, Никитины, Округины, Охлопковы, Пшеничных, Романовы, Светлолобовы, Старцевы, Таракановы, Ушаковы, Хохлушины, Черных... И это далеко не полный список.

В данной статье мне хочется изложить результаты изысканий по фамилии Таракановы, линию которых удалось довести до XVII в. Родословная Таракано-

Харитина Дмитриевна и ее сестра Варвара Дмитриевна (в замужестве Кобелева). 1950-е гг.

вых, так же как и Лыхиных, — сугубо крестьянская. В течение трех с лишним веков род Таракановых был неразрывно связан с рекой Леной.

Урожденная Тараканова была моя бабушка **Харитина Дмитриевна**, жена Ивана Егоровича Лыхина из деревни Лыхинской Киренского уезда Иркутской губернии. История ее жизни — обычная крестьянская история. Ее трудно назвать счастливой или удачной.

Родилась она 19 сентября 1886 г. (1) в селе Сполошинском, в 100 верстах вниз по течению Лены от уездного города Киренска. В 1913 г. она вышла замуж за И.Е. Лыхина и переехала в деревню мужа, где безвыездно прожила практически всю свою жизнь. Через год после рождения старшего сына, Николая (род. в мае 1914 г.), мужа взяли в армию. Ко времени его отсутствия относится фотография, на которой она снята с неизвестными сейчас женщиной и ребенком. В 1918 г. Иван Егорович вернулся домой, и в июне 1919 г. у Харитины Дмитриевны родился второй и последний ребенок — сын Петр. Замужество и роды были едва ли не самыми значительными событиями в ее жизни. Все остальное время занимала однообразная нескончаемая работа, сначала в своем единоличном хозяйстве, а с начала 1930-х гг. и в колхозе, и дома. Работа, работа, работа, от которой деревенские женщины уставали до полусмерти. Сядет такая обремененная хозяйством и много-

численными детьми крестьянка в избе, уронит руки на колени и запричитает: «Ад кромешный, бесконечный, когда этому аду конец будет...»

Многочисленных детей у Харитины Дмитриевны не было, но семейная жизнь ей счастья не принесла. Иван Егорович похаживал по деревенским вдовушкам, а спьяну мог позволить и рукоприкладство, что было, впрочем, довольно обычным делом в деревне. Судьба деревенской женщины — работать да все терпеть...

Надсадная работа согнула бабушку, в старости она не могла распрямиться в полную силу и ходила полусогнутая как клюка. Трансформировался и характер. Я помню ее внешне суровой, не улыбочливой, малоразговорчивой, постоянно ворчащей на мужа. Но сыновья ее нежно любили, называя «вечной труженицей», «стойко и мужественно переносившей все невзгоды жизни», «отличавшейся незаурядной скромностью и кристальной чистотой души».

На глазах Харитины Дмитриевны прошли все изменения XX в.: начинались и исчезли колхозы, захирели некогда процветавшие деревни. Постаревшие Иван Егорович и Харитина Дмитриевна Лыхины стали последними жителями деревни Лыхинской и летом

Иван Егорович и Харитина Дмитриевна Лыхины с внуками Юрой (автор статьи), Толей, Ниной, Светой. 1960 г.

1970 г. покинули ее, переехав на 3 км вниз по Лене в деревню Захаровскую. Оттуда через несколько лет (в мае 1976 г.) ее забрал старший сын, Николай, увезя в город Куйбышев (ныне Самара). Там она и скончалась 27 апреля 1980 г. в возрасте 93 лет, на несколько лет пережив мужа. До самых последних дней она старалась трудиться по дому, обслуживать себя, не желая причинять хлопот окружающим.

Отцом Харитины Дмитриевны был **Дмитрий Михайлович Тараканов**. Сохранилась фотография, запечатлевшая его в 1904 или 1905 г. в кругу своей семьи в селе Сполошинском. Этому снимку посвящена статья «Одна старая фотография», опубликованная в журнале «Тальцы» (2).

Родился Дмитрий Михайлович в середине позапрошлого столетия, 9 февраля 1852 г. (3). Ко времени съемки фотографии ему уже минуло 50. Имел он большую работящую, или, как говорили

Семья Дмитрия Михайловича Тараканова. Первый ряд (слева направо): невестка Анисья Степановна (жена сына Григория), Дарья Алексеевна, Ираклий (сын Григория и Анисьи), Дмитрий Михайлович, невестка Анастасия Федоровна (жена сына Николая), сын Прокопий. Второй ряд: сын Герасим, дочери Варвара и Харитина, работник (приемный сын?) Михаил. 1904 или 1905 г.

Бывший дом Герасима Дмитриевича Тараканова. 2001 г.

в деревне, «воистую», семью. Дмитрий Михайлович характера был довольно твердого, деспот в семье. Деловой человек («разворотливый») и большой труженик. Неумолимо работая сам, он приучал к этому детей и внуков. Крепкий хозяин, расчетливый до скупости. Хозяйство имел большое и сильное. Дом его из двух половин, соединенных сенями («на связи»), располагался на самом берегу Лены. Сполошинское было станционным селением на Якутском тракте, по которому грузы гужевым транспортом везли в Бодайбо и Якутск. Дмитрий Михайлович содержал постоянный двор, пускал к себе на ночлег ямщиков, кормил людей, продавал сено для лошадей, предоставлял лошадей для перевозки грузов.

Женой его была Дарья Алексеевна (род. 24 марта 1850 г., урожденная Баракова) (4) из деревни Кондрашинской, находящейся в 26 верстах от Сполошинской. В 1870–1890-х гг. в их браке родилось семеро детей, один из которых умер в детстве. С началом XX в. дети Дмитрия Михайловича и Дарьи Алексеевны стали обзаводиться своими семьями. Первым женился старший сын, Григорий. После рождения двоих сыновей он погиб от руки забравшегося в их усадьбу вора. Затем привел в дом жену сын Николай, а вскоре из родительского гнезда вылетели дочери Варвара и Харитина, одна в деревню Захаровскую, другая в Лыхинскую. Когда женились младшие сыновья, Прокопий и Герасим, в

Бывший дом Прокопия Дмитриевича Тараканова. 2001 г.

том же селе им было построено по отдельному дому, расположившимся рядом с родительским.

После всех семейных свадеб, 14 марта 1918 г., скончалась Дарья Алексеевна (5). Но самые тяжелые времена для семьи Таракановых наступили в годы «великого перелома», когда в ленских деревнях начались раскулачивание наиболее зажиточных крестьян и высылка из родных мест. Оба их новых дома были отобраны, практически всем членам семьи Дмитрия Михайловича пришлось покинуть село, познать нужду и хулу. Дмитрий Михайлович окончил свою жизнь в Пеледуде, в семье младшего сына Прокопия, 25 сентября 1935 г. Скончался он в возрасте 83 лет.

Отцом Дмитрия Михайловича был **Михаил Семенов сын Тараканов**. По метрическим книгам Петропавловской Спасской церкви, к приходу которой в XIX в. относилось Сполошинское, удалось установить дату его рождения — 17 мая 1822 г. (6). В возрасте 27 лет, 18 января 1850 г., Михаил Семенов бракосочетался с 21-летней Анастасией Савватиевой, дочерью Мутинской деревни крестьянина Савватия Светлолобова (7). От их союза пошли дети: Дмитрий (род. в 1852), Василий (род. в 1855), Филипп (род. в 1859), Вера (род. ок. 1862) и другие, умершие еще в детстве.

Смутные сведения о Михаиле Семенове Тараканове сохранились в памяти деревенских стариков, с которыми мне удалось побеседовать. По их рассказам, возил он на лошадях почту и рано

умер, так что в 16 лет его старший сын Дмитрий должен был встать во главе отцовского хозяйства.

Дедом Дмитрия Михайловича был **Семен Григорьев Тараканов** (VI поколение). Родился он, по-видимому, в начале 1795 г., поскольку в материалах 5-й ревизии российского населения, проводившейся в Чечуйской волости Киренского уезда в августе 1795 г., ему значилось шесть месяцев (8). 23 января 1810 г. «Симеон» Григорьев бракосочетался с «того ж погоста (Сполошинского. — Ю. Л.) солдатской жены Устиньи Старцевой з дочерью девицей Зиновией» Николаевой (9). В их браке родились дети: Андрей (1814), Константин (1819), Михаил (1822), дочери Афанасия (1826), Анна (1828), Мелания (1830). Прожил Семен Григорьев на белом свете совсем недолго. 13 мая 1832 г. он скончался в возрасте «38 лет» «в горячке», как было записано священником в церковной метрической книге (10).

Отцом Семена Григорьева был **Григорий Алексеев Тараканов**. Он родился около 1774 г., так как в ревизию 1782 г. ему значилось восемь лет. К следующей ревизии, 1795 г., он был уже женат на Екатерине Александровой, дочери крестьянина Александра Колмакова из деревни Вишняковской. Она на четыре года была старше своего мужа. Сын Семен, указанный в ревизской

Петропавловская Спасская церковь. 1913 г.

сказке 1795 г., был, по-видимому, их первым ребенком (11). По метрическим книгам Сполошинской Спасской церкви удалось выяснить, что в последующие годы рождались и другие дети: Роман (в 1796), Григорий (ок. 1798), Елена (в 1803), Никифор (в 1806), Наталья (ок. 1809), Дарья (в 1810). Из них Григорий, Никифор и Наталья умерли во младенчестве, а по поводу остальных (за исключением Семена) неизвестно, дожили ли они до взрослого состояния. Детская смертность в деревне тех времен была велика, и половина, а то и более родившихся детей умирали в детстве. Скончался «Сполошенского погоста крестьянин Григорий Алексеев Тараканов» 24 декабря 1828 г. в возрасте «54» лет «сердечною болезнию» (12). «Сполошенского селения вдова крестьянская жена Екатерина Александрова Тараканова» умерла 23 ноября 1833 г. в возрасте «63 лет» «в натуральной» (13).

Следующее, восьмое, поколение являл собою **Алексей Андреев сын Тараканов**. Родился он около 1742 г., поскольку в ревизской сказке 3-й ревизии, 1762 г., ему значилось 20 лет. Тогда он был уже женат: «У Алексея жена Мавра Васильева дочь дватцати лет, взятая в замужество того ж острогу (Чечуйского. — Ю. Л.) деревни Ильиных умершаго крестьянина Василья Ильиных по добровольному их с обоих сторон договору. У них дочь Анна трех лет» (14). Однако записан Алексей Андреев в то время был не в Сполошинском погосте, а в деревне Усть-Чайской.

Сполошинская Ильинская церковь. 2001 г.

Здесь следует вспомнить семейную легенду ленских Таракановых. В конце XX столетия считалось, что их далекий предок был беженцем с Демидовских заводов. В Сибири Таракановы жили якобы сначала на речке Чае (приток р. Лены в 30 км ниже Сполошинского), а затем в Сполошинском. В первой своей части легенда оказалась не верна, поскольку Таракановы появились на Лене прежде, чем на Урале обосновались горнозаводчики Демидовы. Зато вторая часть легенды получила таким образом подтверждение в архивных документах.

В материалах 5-й ревизии, 1795 г., жившему уже в Сполошинском погосте Алексею Андрееву сыну Тараканову было указано 52 года. Далее в ревизской сказке шли сведения о его семье:

«У него жена 1-го браку Мавра Васильева дочь» (род. ок. 1740). Умерла «Сполошенского погоста у крестьянина Алексия Тараканова жена Мавра Васильева дочь» 27 ноября 1792 г. в возрасте «53 лет» (15).

«2-го браку Орина Яковлева дочь, взята Чечуйского острогу у крестьянина Якова [Степанова] Попова». Родилась она около 1759 г. Пятнадцатью годами позже ревизии, в марте 1810 г., она была еще жива, став восприемницей при крещении внучки Дарьи (дочери Григория Алексеева).

«У них детей [от] 1-го браку»: Марфа (род. ок. 1762), Семен (ок. 1763–1792), Орина, Осип (ок. 1772), Григорий (ок. 1774) и Матрена (1776). По той же ревизской сказке стало известно, что Марфа была «выдана в замужество Иркутской округи Орленской слободы деревни Сунтарской за пономаря Никифора Попова». Орина «выдана в замужество сего погоста (Сполошинского. — Ю. Л.) за крестьянина Лва Пенкова» (16). Матрена же в следующем году после ревизии (в 1796) вышла замуж за дьячка Чечуйской Воскресенской церкви Алексея Васильева Берденикова.

Отцом Алексея Андреева был **Андрей Осипов Тараканов**. Родился он около 1712 г., поскольку по материалам ревизии 1762 г. ему было указано 50 лет от роду. «У Андрея жена Дарья Андреева дочь, пятидесяти лет, взята в замужество того ж острогу (Чечуйского. — Ю. Л.) Сполошенского погоста умершаго крестьянина Андрея Черных по добровольному их с обеих сторон договору». «У них дети»: Иван (род. ок. 1735), Алексей (ок. 1742), «Алексей же» (ок. 1743, в момент ревизии был холост), Настасья (ок. 1747), Алена (ок. 1748), Василий (ок. 1754–1812), Авдотья (ок. 1756), Парасковья (ок. 1757) (17).

В ревизской сказке 1762 г. крестьянский сын Андрей Осипов Тараканов был записан в деревне Усть-Чайской. Причем хозяином двора считался не он, а его отец Осип Тараканов 73 лет. Жили они большой неразделенной, в четыре поколения, семьей, вместе с женатым уже сыном и братьями Андрея Осипова.

30 января 1773 г., когда выходила замуж Парасковья, младшая дочь Андрея Осипова Тараканова, он по-прежнему значился крестьянином Усть-Чайской деревни. Скончался же он в Сполошинском. Запись о его смерти удалось найти в одной из наиболее ранних сохранившихся в Государственном архиве Иркутской области метрических книг Сполошинской Спасской церкви. В ней было записано: «Сполошенского погоста крестьянин Андрей Осипов сын Тараканов от грома и молнии умре» 5 августа 1776 г. в возрасте «65» лет (18). Его жена «Сполошенского погоста вдова Дария Андреева Тараканова, исповедав своя согрешения и причастившись святых тайн, умре» 15 июня 1780 г. (19).

По какой причине Таракановы переехали на новое место жительства, сейчас сказать трудно, но переехали они не на пустое место. Поскольку Андрей Осипов Тараканов был женат на дочери сполошинского крестьянина, поселились они рядом с родственниками или у родственников.

Сохранившееся до сегодняшнего дня село Сполошинское (в разное время называвшееся Сполошной луг, Сполошенский погост, Сполошинское селение, в настоящее время — Сполошино) располагается в удивительно красивом месте, на крутом повороте реки Лены, где отступивший хребет образовал обширный луговой участок. Свою историю село ведет с XVII в. По сведениям московского исследователя Г.Б. Красноштанова, его первым поселенцем стал стрелец Ивашко Семенов Тентюков. Он был сослан в службу в Якутск, но вскоре написал, что ему служба «не в обычай», так как ходить на лыжах, тянуть нарты он не умел, и попросился в пашню. Его челобитная о поселении «на Сполошном лугу» была подписана 12 августа 1651 г.

Сполошной луг был обозначен на «Чертеже земли Якуцкаго города» в знаменитой «Чертежной книге Сибири, составленной тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году» (20). В 1723 г. в Сполошинском погосте числилось уже 17 дворов, для того времени на Лене это было крупное поселение. Быстрому росту населенного пункта способствовало благоприятное место

его расположения. Здесь издревле и до наших дней получали хорошие урожаи хлеба.

Следующим документально установленным представителем линии ленских Таракановых является пашенный крестьянин **Осип Тараканов** (X поколение). Родился он около 1689 г., по всей видимости, в деревне Усть-Чайской. В «Описании реки Лены», выполненном участником Второй Камчатской экспедиции И. Яхонтовым в 1735 г., об этом населенном пункте говорилось: «Чайская или Тараканова деревня на правом берегу. В ней два двора крестьянских. От Ильиных деревни по новой мере 9 верст» (21).

В документах 1720–1760-х гг., сохранившихся в Российском государственном архиве древних актов, Осип Тараканов упоминался как крестьянин то деревни Усть-Чайской, то деревни Дарьинской. Однако особенность переписей того времени состоит в том, что крестьян часто записывали не по фактическому их проживанию, а приписывали к той деревне, где находился десятник или где жили их родственники, т. е. жителей нескольких небольших близлежащих деревень записывали в одну. В связи с тем что крестьян приписывали то к одной деревне, то к другой, может создаться впечатление, что они часто переезжали с места на место, на самом деле это не так.

По материалам ревизии 1762 г., Осипу Тараканову было 73 года. Имел он младших братьев — Артемия, родившегося около 1694 г., и Якова, родившегося около 1696 и скончавшегося в 1756 г. Оба брата, похоже, не имели семей. Во всяком случае, о них нет упоминаний ни в одном из найденных документов. У Осипа же детей было немало: Андрей (род. ок. 1712), Петр (ок. 1716, отдан в рекруты в 1737 г.), «Парасковья» (ок. 1720), «Василей» (ок. 1726), Андрей (ок. 1730), Николай (ок. 1734, в 1758 г. был отдан в рекруты) и, возможно, другие (22).

Жена Осипа в ревизийской сказке 1762 г. не упоминается, по всей видимости, она скончалась раньше. Где и когда умер Осип Тараканов? Похоже, что еще в Усть-Чайской в 1764 или 1767 гг. В «ведомости Чечуйского острогу» 1773 г. о платеже подушных денег было указано, что «Осип Тараканов» и его «брат Артемей» «умре в прошлых годах 764 и 767» (23). По крайней мере, в одном из документов 1769 г. во главе семьи Таракановых был записан не Осип Тараканов, а его старший сын Андрей. В 1770-х гг., уже после смерти Осипа Тараканова, семья его сына, Андрея Осипова, переехала в Сполошинское.

Материалы первых ревизий, проводившихся в Российском государстве со времен Петра I, ныне хранятся в РГАДА. Они стали доступны мне благодаря любезному содействию Георгия Борисовича Красноштанова, ленского уроженца, ныне живущего в Москве. Он же сообщил мне и самые ранние сведения о Таракановых в Восточной Сибири. Первые представители Таракановых начинают упоминаться на Лене с середины XVII в. Причем писалась тогда эта фамилия через буквы «о» — Тороканов.

В книге «Чичюйского волоку пятинному денежному збору» за 1665 г. имеется следующая запись: «С промышленных с Семейки да з Богдашки Козьминых детей Торокановых по скаске с пяти рублей рубль июня в 13 день взято» (24).

Коротко поясним приведенную цитату. Середина XVII в. — это время промышленных людей в Восточной Сибири, появлявшихся на недавно открытых землях в погоне за «мяжкой рухлядью» — пушшиной. Пятинные — значит пятая часть, или 20 %. Пятинные деньги собирались не регулярно, а лишь в особых случаях, когда в казне ощущалась острая нехватка денег, например во время войны. В указанной книге сбор пятинных денег колебался в очень широком диапазоне, от 2,5 до 80 р. Подавляющее большинство платило порядка 10 р. Так что «богатство» братьев Семейки да Богдашки было где-то ниже среднего уровня.

Еще один любопытный документ был обнаружен в материалах Якутской приказной избы. Это была жалоба промышленного человека Ивашки Тороканова «на казаков на Микифора Семенова Абрамова да на Леонтья Старловского»: «В нынешнем, великий государь, во 190 [1682] году, зимою, как они, Микифор да Леонтей, шли в Якутцкой острог и, идучи дорогою, на Захаровской заимке били они меня, сироту твоего, и увечили. И бив, сорвали с меня крест серебряной весом [на] дватцать алтын, да содрали с меня зипун белой сермяжной, цена рублей <...> Вели, государь, мне на них, Никифора и на Леонтья, в том моем иску, в бою и в увечье моем, дать свой царской суд».

В июне того же года в Якутске ответчики дали свою версию случившегося: «В нынешнем де во 190 году, как шли оне, Микишка и Левка, в Якутцкой и з Захаровой де заимки взяли они, Микишка и Левка, проводников с нартами и с лыжи. И он де, Ивашко, у тех их проводников переломил лошадью нарты да лыжи. И тем де их поставил на дороге. И за то де ево, Ивашка, они, Микишка и Левка, и били.

А зипун де у него, Ивашка, сняли и отдали тем своим проводникам за изломаную нарту и за лыжи. А креста де с него, Ивашка, не срывали» (25).

Следует отметить, что в ответе одного из допрошенных проводников, казака Максимка Акакиева, истец был назван как Ивашка «Торокановской». Чем кончилось дело, к сожалению, неизвестно.

В более поздних документах упоминается уже в качестве пашенного крестьянина еще один Семен Тороканов, но не Козьмин сын, а с иным отчеством. Так, в документе 194 (1685–1686) г. указана «на усть Чаи реки заимка», владел которой Семен Ларионов Тороканов (26).

В 196 (1687–1688) г. в одной из ужинных книг Якутской приказной избы записано, без указания деревни: «У пашенного крестьянина у Семейки Ларионова Тороканова выделено на великих государей полдесятины ржи. В ужине по счету две сотницы восемьдесят снопов. А вымолочено четыре четверти с полуосминою ржи.

У него ж, Тороканова, на четверте десятины ячмени по счету в ужине сотница пятьдесят снопов. А вымолочено осмина с полуосминою ячмени» (27).

В переписной книге 1697 г. вновь упомянут «Семейка Ларионов Тороканов», с пометой (возможно, запоздавшей) «детей нет» (28).

В «таможенной книге Усть-Кутцкого острожку таможенной избы 206 [1697–1698] году» сообщено следующее: «Марта в 15 день [1698 г.] промышленной человек Сенка Алексеев Карешков явил лошадь. А купил он тое лошадь Якуцкого уезда в Чечнойской волости у пашенного крестьянина у Сенки Тороканова.

А дал за тое лошадь четыре рубли денег. И с тое ево лошади взята десятая великого государя пошлина с четырех рублей за продавца. А у него, Сенки, с покупки по гривне с рубля да пошерстного алтын. Итого дватцать семь алтын четыре деньги» (29).

В 207 (1698–1699) г. Сенька Тороканов записан в деревне Пущиной. Однако в этом случае в Пущиной были переписаны все крестьяне вплоть до деревни Коршуновой.

Семен Тороканов упоминается, кроме того, в одном из недатированных архивных документов (предположительно после 1698 г.), который называется «Роспись на ком всяких чинов людей взято

великого государя в казну за винное куренье пенных (штрафных. — Ю. Л.) денег» (30). Лист 95 озаглавлен так: «Чичуйского острошку на пашенных крестьянх за винное куренье доимочных пенных денег». В предпоследней строке этого листа записано: «на Сенке Тараканове 10 рублей». Всего по Чечуйской волости было записано 12 человек. Максимальный штраф доходил до 20 р. (за неоднократное курение), штраф в 10 р. был минимальным.

Упоминался Семен Тороканов и в документах начала XVIII в., 1701–1709 гг., по-прежнему «на усть Чаи реки». Однако в то же время неожиданно появился еще один Тороканов, живший там же, на Лене, но в другой деревне — Кондрашинской. В документах 1701, 1703 и 1705 гг. в ней был записан пашенный крестьянин Федька Тороканов. А по одной из записей 1707 г. стало известно и его отчество: Федор Моисеев Тороканов. Обосновавшись на ленской земле, он дал многочисленное потомство, которое жило в Кондрашинской, а затем расселилось и по другим ближайшим деревням и селам.

Без всякого сомнения, кто-то из перечисленных Торокановых и был отцом Осипа Тараканова. Однако этот вопрос долго оставался без ответа. Разрешился же он после получения от Г.Б. Красноштанова текста челобитной чечуйского приказчика Якова Мишарина, в которой говорилось: «В нынешнем 722 году послан великого государя указ из Ылимска в Чичуйск. <...> Да в том же указе писано, что велено взять с **Осипа Тороканова** поголовного оброку четь ржи. И ныне он, Осип, платит в казну отсыпного хлеба с чети десятины с пашни **отца своего Семена Тороканова**» (31). Так в составляемом нами родословном древе сполошинских Таракановых появилось еще два имени и два поколения: Семен Ларионов Тороканов (? — между 1709 и 1722) (XI поколение) и Ларион Тороканов (XII поколение).

Образование фамилий большинства пашенных крестьян, поселившихся на реке Лене, происходило в конце XVII — начале XVIII в. Фамилия Торокановы, судя по первым упоминаниям в документах середины XVII в., образовалась раньше.

Многочисленные фамилии на *-ов*, *-ин* по своему происхождению — это притяжательные прилагательные, которые указывали на отношение к отцу (чей сын, чья дочь). В XV–XVII вв. распространенным личным именем на Руси было Торокан (Тарокан), восходящее к тюркскому слову «тархан». В еще более ранние времена тарханом у татар, а затем и у русских называлось лицо,

которое за особые заслуги освобождалось от податей и имело ряд других привилегий. Вскоре слово стало личным собственным именем, как у татар, так и у русских (32). К примеру, в книге Льва Колодного «Главный Кремль России» упоминается такой факт: в 1471 г. в Москве «некий купец Тарокан у кремлевской стены неподалеку от главных ворот заложил палаты каменные и построил их в одно лето» (33). Это имя и послужило основой сначала отчества, а затем и фамилии Торокан-ов (Тарокан-ов сын).

В книге «Устюг Великий. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий» при перечислении жителей города и уезда с первой половины XVII в. довольно часто встречаются фамилии Торокановской, Торокановских (34).

Оттуда ли пришли на реку Лену Торокановы, пока неизвестно. Были ли какие-то родственные связи между упоминаемыми в архивных документах XVII в. ленскими Торокановыми, тоже не ясно. Все это, как и многие другие события из жизни Тарокановых на Лене, предстоит устанавливать. Ясно лишь одно: появление новых фактов в любой родословной рождает еще больше вопросов, требующих новых ответов. Бесконечная история продолжается.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАИО. Ф. 790. Оп. 1. Д. 8. Л. 271 об.
2. Лыхин Ю.П. Одна старая фотография // Тальцы. 2002. № 2 (14). С. 10–19.
3. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 721. Л. 439 об.
4. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 693. Л. 244 об.
5. Архив управления ЗАГС администрации Иркутской области. Метрическая книга Петропавловской Спасской церкви за 1918 г. Л. 132 об.
6. ГАИО. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2844. Л. 43.
7. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 693. Л. 322 об.
8. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 166. Л. 547 об.
9. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 264. Л. 9.
10. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 406. Л. 502 об.
11. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 166. Л. 547–547 об.
12. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 388. Л. 502 об.
13. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 447. Л. 89 об.
14. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. I. Д. 1045. Ч. II. Л. 896 об.

15. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 37. Л. 23.
16. ГАИО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 166. Л. 547.
17. РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. I. Д. 1045. Ч. II. Л. 896.
18. ГАИО. Ф. 50. Оп. 7. Д. 23. Л. 101 об.
19. ГАИО. Ф. 50. Оп. 3. Д. 23. Л. 103 об.
20. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882. Л. 19.
21. РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 517. Ч. I. Портфель 1. Д. 20. Л. 34.
22. РГАДА. Ф. 359. Оп. 2. Ч. I. Д. 1045. Ч. II. Л. 896.
23. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Ч. II. Д. 3372. Л. 122 об.
24. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 908. Л. 6 об.
25. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. IV. Д. 2269. Л. 123–124.
26. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 1385. Л. 30.
27. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 1458. Л. 27 об.–28.
28. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 4. Д. 1686. Л. 26.
29. РГАДА. Ф. 214. Кн. 1203. Л. 291 об.–292.
30. РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. V. Д. 2772. Л. 94.
31. РГАДА. Ф. 494. Оп. 1. Д. 143. Л. 295 об.
32. Федосюк Ю. Русские фамилии: Популярный этимологический словарь. М., 1981. С. 194.
33. Колодный Л. Главный Кремль России. М., 1983. С. 30.
34. Устюг Великий: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883. С. 14, 92, 129, 146, 149, 170, 215, 224, 234, 250.